

[л.1]

21-22.XII.38г. – 5 – Яблоков Е.И.

Нина, моя хорошая, добрая, любимая,

Сегодня получил твою открыточку (от 17-го); в ответ на нее и на письмо от 12-го пишу сегодня; хотя, в открытке к Юре, опущенной вчера, обещал писать только 25-го; но неожиданно назначили (перенесли) выходной день на завтра (22-го), вперед; это потому, что не было вых. дня 18-го, его сняли, т.к. не работали в мороз 15-го... так что теперь совсем сбились с регулярности хода выходных и когда они будут приходиться, пока не знаем...

Я думаю, что ты сегодня читала мое письмо от 16-го в то время, когда я читал твою сегодняшнюю открытку; жалко, что так запоздал с отправкой его, - я знал, что о получении посылок тебя нужно уведомлять сразу же, но не сделал этого, как делал раньше, из У. Пинеги... Еще раз спасибо тебе за присланное, особенно за жилет ватный, за сухари (к сожалению, ½ их у меня украли – запора нет) за одеяло; да за все; не перечислишь все ценное для меня... за очки, - мне в них так хорошо видно – самый раз по глазам (сообщи диоптрию). Я спрашивал тебя и еще раз спрашиваю о возвращаемых тебе почтовых отправлениях (посылках и деньгах), чтобы мне знать, хлопотать ли и мне об их пересылке; я догадываюсь, что твои письма вернулись из У-Пинеги – через Плесецкую к тебе в результате моего заявления, посланного на почту; я, конечно, написал адрес полностью, но очевидно некоторая небрежность, недописка участка, как ты верно догадываешься, была причиной отправки писем далее – к тебе по обр. адресу.

Думаю, что посылки и перевод могли быть захвачены там моим заявлением и вернее всего с полным адресом направлены в Плесецкую; для денег достаточно и не полного; все равно они пересылаются не к нам, а в Няндому, в штаб Колонии. Лучше было бы, пожалуй, если бы посылку вернули тебе, т.к. неожи-

[л.1.об.]

данное прибытие еще одной посылки, несомненно, создало бы здесь препятствия к получению, пожалуй не только ее, но и следующей. Да, почта работает очень, очень хорошо; также хорошо и наш участок, - нач. охраны, ведающий корреспонденцией – он успевает проверять быстро и сдает почти без задержки...

Невольно отсюда мысль переходит на другой вопрос: о заявлении в ГУЛАГ относительно работы по специальности, когда, в случае удовлетворения просьбы, м.б. окажешься на более далеком расстоянии и без возможности переписываться так регулярно, как из Арх. обл.-и. Вообще, судьбу не разгадаешь и вмешиваться в ее решения м.б. и не безопасно, или не к лучшему по кр. мере; но, вот в ответ на то, что ты писала, и выкладывая свои мысли, я выскажу тебе следующее: 1-здесь мое положение, как рабочего физич. труда (теперь ежедневно пилим и колем дрова и от выполнения «нормы» очень далеки), мое положение почти безнадежно; ко мне не может быть не только хорошего отношения, но хуже того; требования выполнить, не взирая на возраст и здоровье, подкрепляемые лишениями и угрозой наказания, все это настолько «убивает», что вопрос о переводе в другой участок, другой «старый» лагерь едва ли может быть снят с очереди в дальнейшем; скорее наоборот, нужно, как ты и сделала, принять меры, чтобы хоть поздно, но этот вопрос разрешился. Тем более, что з/к. говорят, что здесь мы пробудем не далее весны; весной бывают этапы на Д.Восток... Тогда, все равно, наступит наше отдаление. 2) Без писем от тебя мне трудно было бы жить и сохранить в себе силу внутреннюю, душевную, для жизни в этих условиях; и это положение можно было бы считать первым, основным, решающим... Так что добровольный «отказ» от этого, связанный (может быть...?) с отъездом был бы не понятен и ошибочен; но от'езд может быть и не добровольный;

[л.2.]

а при жизни в сносных условиях Старого лагеря, при работе близкой к специальности или, вообще, просто посильной, я мог бы прожить и при более редкой переписке; я бы читал твои письма в два-три раза более повторно, а в посылках и вовсе, м.б. мало нуждался; нужно же когда нибудь и освободить тебя от этих непосильных на них расходов. Кстати, продавай все из моих принадлежностей, что хочешь и можешь: сапоги простые и т.под.; что не нужно ни тебе ни детям...

Заявление Наркому или Верх. Прокурору вообще нужно подавать безименное... Скорее важно знать к кому лично обратиться, когда идет дело о работниках, занимающих не столь высокие посты, но таких, от которых практически зависит решение вопроса, напр. нач. отдела – так и в Гулаге; а в НКВД, м.б. стоило бы попасть на прием к первому замнаркома, который также практически ближе стоит к решению всех частных вопросов; а может быть просто к его управделами – и в таких случаях полезнее всего иметь знакомых точно знающих и порядки, и лиц, кто нибудь вроде Эзры мог бы быть в этом случае особенно полезен... Кстати, ты лично можешь (могла) побывать раз, ну два в Москве, на приеме; а нужны и последующие справки о продвижении заявления; так на этот случай я напоминаю тебе о Наташе и Анюте, маминых племянницах; они не откажутся и не побоятся себя скомпрометировать... Ну, все это я пишу несколько с запозданием; как и вообще наши письма и обмен мнениями расходятся, «разминуются». Из умолчания в сегодняшней открытке о поездке в Москву, я понял, что она не состоялась. Не думай, что она обязательна; трудно выбраться, так и не езди; что же сделаешь; на пользу мне – шансов мало; а от бесплодных попыток

[л.2.об.]

не так уж трудно и отказаться... Я знаю твоё желание помочь мне; я читаю о нем в твоих письмах и удивляюсь, как горячо оно... Родная, друг ты мой милый, исключительный; спасибо тебе; одно уже оно мне прибавляет сил и бодрит меня... Твои слова: «будем верить и надеяться, что наступит и для нас радостный день» встреча не столь далеко, как указанный срок – эти слова выражают мои мысли и дают опору в моем состоянии, а без них ждать бесконечно долго – нет, не хватает, кажется, никаких сил... Каждый день, иначе, переживался бы, как бессмыслица... А с ними можно жить, быть довольным, что идет и прошел еще день...

Я писал Юрику, что получил карточку детей и племянников; я поражен тем, как выросли наши дети. Ты помоги им прощать маме П.П. – ее «войну» с ними; в твоих словах в письме есть слабое признание некоторой ее полезности; хотя малой, но помощи ее тебе; и это меня несказанно радует, и за маму и, отчасти, за тебя. Поклонись ей от меня; я мало пишу ей, как и она мне; но как бы по взаимному соглашению, учитывая и малую возможность к тому.

Знаешь ли ты, где Алеша; на прежнем ли месте он работает? Возможно, что Ваня, Маша и Ал-др Сем. сами не хотят писать?..

Если выходной будет через неделю – 29-го я тогда и напишу тебе очередное письмо; до того, числа 27, опущу открыточку, чтобы поздравить вас с Н.Г.; отмечать даты ваших и твоих в частности, праздников не буду по понятным, пожалуй, причинам, без объяснения. Теперь за посылками будут ездить отсюда на почту, как говорят, еженедельно, по субботам; многие еще не получили ни разу.

Сейчас (днем 22-го) была поверка по учетным карточкам; спрашивали и специальность...

[л.3.]

На днях меня известили из штаба колонии (из Няндомы), что мое заявление Архангельскому обл. прокурору о недоставлении денег из тюрьмы переправлено ему 8.XII; а на мою просьбу дать тебе свидание со мной, посланную одновременно с тем заявлением прокурору, ответа из штаба нет; равно и на вопрос: «есть на моем лицевом счету деньги в штабе»? и сколько? тоже, нет ответа; очевидно, ответит кассир, когда приедет.

Кишечник у меня в полном беспорядке; изредка побаливает печень... буду просить фельдшера посерьезней заняться моим лечением; больше месяца не было дня с нормальным стулом; а какой был у меня кишечник хороший в течение 5 месяцев в у. Пинеге; что случилось, не знаю, подозреваю все таки здешнюю воду; думаю перейти на изготовление кипятка из снега. Это возможно по вечерам, когда в бараке топится печь; но не утром. Кстати, два дня назад нас перевели в другой, более теплый барак; стало много лучше. Сплю хотя и под одеялом, но не раздеваясь; приходится ночью выходить; да и утром, при вставании такая спешка, что лучше не раздеваться. Одежду, обувь сушим на лежанках двух печей, имеющихся в бараке; правда, места часто не хватает; но ночь длинная, с 8 ч.в. до 5 ч.у., поэтому у меня и у других в обычае вставать среди ночи, часа на 2-3, и заниматься очередными делами, в частности сушкой.

Григ. Ал-ч и я давно, еще в у. Пинеге стали далеки друг от друга; у него резкий характер; работали мы в разных бригадах там и тут; но он очень изменился; его усиленная работа довела его до ухудшения здоровья; он постарел,

---

\* Ездить ко мне воздержись; будет крайняя необходимость, я попрошу тебя. Да, видишь, и не разрешат еще.

[л.3.об.]

сильно поседел, осунулся, жалуется на кишечник, отсутствие аппетита, на кашель. Перешел в слабую бригаду, а то тянулся за самыми сильными и, видимо, этим подорвал свое здоровье. Мы с ним далеки, но отношения не испорченные. Ты же по прежнему видайся с его женой и будь к ней внимательной, как раньше. Твои приветствия ему я передаю... Он тоже хотел бы более всего работы по специальности своей механика, и казалось бы она так нужна в здешних архангельских местах, но использования нет...

Ну, моя родная, сейчас перечел все твои письма, писанные сюда, сколько в них любви и поддержки! На все твои вопросы вижу, ответил, в этом или предыдущих письмах. Остается еще вопрос о содержимом посылки, которую будешь снаряжать в январе. Отвечу так, нужны сухари, если не выдадут деньги или вообще будет затруднена покупка мучного; и наоборот мало нужны, если будут деньги и их конечно в первую очередь я буду тратить на хлеб. Также и с сахаром. Жиров и мяса здесь в ларьке не продают. Нам по кр.мере. Кстати твои консервы из твоей первой посылки в Пинегу – как дорогие, там не ел, а съел здесь в начале декабря. Таких дорогих не посылай, как не вкусны они. Благодарю за концентраты, не отказался бы от мешочка крупы (гречневой), чаю пришли в половину меньше, лучше суррог. кофе положи, хотя и здесь продается, боюсь не будет. Табаку довольно 3 пачки на ½ месяца. Если будешь добавлять «лакомое», то немного и подешевле. Жду «подшивку» для валенок, котелок или кастрюльку, алл. ложку, 2 иглы штопальных с суровыми нитками (и для подшивки валенок) для ремонта. Сало заменит масло, много не посылай его (сала) и баночку сгущ.молока. Горчицы сухой не посылай, пока хватит из горчичников. Одет тепло.

Ну, мой милая, бумага заставляет кончать письмо, увы, столь переполненное вопросом о посылках... что стыдно.

Я мысленно прильнул к руке твоей.

Твой Евгений, муж твой

[л.4.]

22-23.XII-к 5-му.

Милые мои, хорошие мои, дети –  
Ириночка и Юрик.

Пищу и гляжу на вас – передо мной новая фотокарточка вашей группы – какие вы стали!

Как было мне приятно сегодня к вечеру (вых. дня), когда мне подали открыточку Ируси (от 18.XII); незадолго перед этим я закончил письмо маме Нине, собирался писать вам и – вдруг – открыточка... Получается – будто разговариваешь с вами; или по крайней мере, что мы близко-близко; забывается, что я в заключении...

Ируська! Пишешь, что «осталось три шестидневки; не спрошена по семи предметам», а сама вздумала проболеть целую шестидневку просидеть дома?.. Хорошая ты моя, я думаю, что это не отразится на твоих отметках, что училась ты ровно и аккуратно; кстати, в последнем и секрет сохранения за собой одного из лучших мест по успеваемости; для лучших учащихся часто наступает такое испытание на выдержанность, когда их перестают спрашивать, откладывают спрос до конца четверти; возникает соблазн не заниматься аккуратно, регулярно; и вот, на этом многие срываются, п.к. запущенное наверстывать в конце четверти «к опросу» - трудновато; главное-то, конечно, в том, что и знания взятые сразу – не так прочны и полны; по крайней мере, а так бывало в нашей школьной жизни... Держись...

Теперь я догадываюсь, чем болела Ляля; очевидно тоже ангиной? Соседки... м.б., вся «четверочка» переболела?.. Ну, кланяйся им...

(на полях:) Поблагодарить всех за присланные поклоны

[л.4.об. ]

Когда я пишу, вам остается до каникул проработать всего лишь одну шестидневочку, правда, напряженную... Зато мое письмо придет как раз к тому дню, когда останется до них чуть-чуть – дня 2-3... Итак, поздравляю вас с каникулами, с Новым Годом, с зимой запоздавшей у вас; Юру с хоккеем на коньках, обоим с катаньем на лыжах, вообще: с отдыхом, счастливым, полным воздуха зимнего, солнца морозного радости юной... Милые мои, как я хочу вам всего этого и всего лучшего; сделать только ничего не могу для вас... Зато, как я буду рад, когда вы напишете мне, как провели каникулы: как гуляли, где были в театре, кино, на елке... от кого получили письма к Н.Году и прочее...

Милый Юринька, в ответ на твою двойную открытку 21.XII...

Вот совпадение – ты перечитывал, пишешь, «Князя Серебряного», а я в те дни испытывал желание перечитать его... Я не имел для чтения ничего, кроме газет... а думал, что в лагере буду много перечитывать художественной литературы... все дело опять в том, что мы живем в бедной колонии, а не в старом лагере...

Целы ли слоники из цветного пластилина или они использованы на другие «скульптурные» изделия? Ируся пишет, что вы «много рисовали», когда она болела; мне приятно было читать об этом усиленном рисовании – нужно бы посмотреть, какие вы стали рисовальщики... Ну, когданибудь приеду – увижу...

На вашей карточке мне нравится спокойное выражение ваших лиц, твоего и Ируси; только у нее опять почему-то с грустинкой? Показал карточку здесь одному оч. молодому учителю (з/к); он говорит, что ты (Юра) похож на меня; я знаю мама будет спорить: что на нее; я не буду спорить: больше на нее, а немного и на меня; а Ируся и вовсе... Ну, спасибо, вам за карточку, за вас самих.

Обнял бы вас обоих сразу, одного одной рукой, другого – другой.

Так и делаю; представляю, когда пишу. Мои милые. Ваш папа.